

Ф. И. Булгаков

Вольтер – кандидат в кардиналы

Федор Ильич Булгаков

Вольтер – кандидат в кардиналы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18794075

Аннотация

«Из этюда Бюто в февральской книжке „Nouvelle Revue“ („Le Cardinal Voltaire“) оказывается, что немногого не хватало, чтоб Вольтер сделался кардиналом по капризу m-me де Помпадур. История этой кандидатуры, рассказанная Бюто, весьма любопытна, как свидетельство того, что XVIII век отличался легкомыслием не менее, чем скептицизмом, и увлекался необычайными фантазиями. Римский двор легко согласился бы на то, чтоб сделать Вольтера кардиналом. Таково, по крайней мере, мнение Бюто... Одна заблудшая овца, возвращенная в лоно церкви, не приятнее-ли небу, нежели десять праведных, которые никогда не оступались? И в данном случае овца, конечно, стояла целого стада... волков...»

Ф. И. Булгаков

Вольтер – кандидат в кардиналы

Из этюда Бюто в февральской книжке «Nouvelle Revue» («Le Cardinal Voltaire») оказывается, что немногого не хватало, чтоб Вольтер сделался кардиналом по капризу m-me де Помпадур. История этой кандидатуры, рассказанная Бюто, весьма любопытна, как свидетельство того, что XVIII век отличался легкомыслием не менее, чем скептицизмом, и увлекался необычайными фантазиями. Римский двор легко согласился бы на то, чтоб сделать Вольтера кардиналом. Таково, по крайней мере, мнение Бюто... Одна заблудшая овца, возвращенная в лоно церкви, не приятнее-ли небу, нежели десять праведных, которые никогда не оступались? И в данном случае овца, конечно, стоила целого стада... волков. Папа Бенедикт XIV отличался такими широкими взглядами и такой терпимостью, что называл Вольтера даже своим «cher fils». Между ним и Вольтером даже велась переписка. Когда после трех представлений сряду трагедия Вольтера «Магомет» была снята со сцены, по желанию кардинала Флори, то у Вольтера явилась бесовская мысль посвятить эту пьесу папе. И Бенедикт XIV, у которого все современники его вообще, а неисправимый «насмеш-

ник», в частности, могли поучиться такту и проницательности, в виде ответа, послал к нему поздравительную грамоту, с приветствием и апостольским своим благословением. Нечего и говорить, что после такого поступка папы «Магомет» торжественно был возобновлен на сцене 30 сентября 1751 года.

Но отсюда до мысли сделать из Вольтера кардинала – целая бездна. Только в женском мозгу могла зародиться подобная мысль, только женщина могла развить ее до пределов богохульства. Для того, чтобы рискнуть на такое дело, одновременно надо было обладать безумной смелостью и ханжеством. Одна только m-me Помпадур могла тешить себя подобной мечтой, только она способна была пренебречь риском осуществления этой мечты. На ряду с капризом балованной женщины, она руководилась и более серьезными мотивами. Когда любовнице Людовика XV стукнуло сорок лет, то «на половину из убеждения, на половину из ловкого расчета, она пожелала примириться с религией».

«Это было в 1752 году. Она осыпана была почестями. Король пожаловал ей табурет при дворе, вместе с титулом герцогини»...

Она искала духовника, приличного её положению, и обрела его в лице некоего иезуита-патера де-Саси. Последний доставил ей много горя, с которым она не могла справиться. Свое отпущение грехов m-me Помпадур он ставил в зависимость от исполнения его неотступного требования того, что-

бы она вернулась к своему мужу д'Этиолль. Подобная жертва ей была не по силам... Она ведь не упорствовала в своем грехе, она порвала с ним безусловно. Теперь же она была только другом короля, не более... В течение полутора года эта кающаяся грешница защищалась, просила, умоляла... Духовный отец оставался непреклонным, отказывая ей в каком-бы то ни было прощении, пока она оставалась в Версале. Она кончила тем, что прогнала его, устроив, однако, комедию для света. Она написала своему мужу д'Этиолль письмо, в котором выражала ему раскаяние в своем распутстве и просила его взять ее к себе обратно. Но в то же время маркиза тайно командировала к нему де-Субиза, который, в виде дружеского совета, имел предупредить супруга, что «возвратив в себе обратно свою жену, он доставит тем большую неприятность королю».

В такой дипломатической комбинации не было даже никакой нужды, ибо д'Этиолль не имел ни малейшего желания возвращать к себе свою супругу. Когда до него дошло предложение маркизы, он мирно проводил самый сладкий из медовых месяцев с одной экс-танцовщицей из театра Opéra. За несколько времени перед тем он даже отказался от посольства в Константинополь, лишь бы не разлучаться с нею. Этиолль ответил, что он прощает решительно все, но с тем только, чтобы его оставили в покое... Для m-me де-Помпадур этот отказ, выторгованный заранее, явился могущественным орудием... Она-де подчинилась, хотела снова вой-

ти под кровлю супружеского дома... Но муж её не пожелал этого... Она получила наконец отпущение своих грехов и... свое назначение придворной дамой. Но она не забыла того зла, какое причинил ей отец де-Сасси... «Мне ужасно хотелось-бы знать, – писала она графу де-Сен-Флорентин, – на столько-ли это человеческое отродье необходимо миру, на сколько оно для него неудобно»...

Затем в письме своем к архиепископу парижскому, обратившемуся в ней с просьбой об её посредничестве в пользу иезуитов, которых она, впрочем, всеми силами постаралась изгнать из Франции, – она говорит:

«Что касается иезуитов, то их следует предать правосудию Парламента. Один господин, который хорошо знает их, рассказывал мне вчера, что они ничего не сделали доброго, кроме того, что вывезли хину из Перу и что их общество было бичом королей и государств, которые их терпели... По-видимому, они заслужили, чтобы их уничтожить: ну! и пусть же их уничтожают! И так, прошу вас, ваше высокопреосвященство, не затевать со мной более разговора об этом предмете и оставит короля в покое! Помните, что вы прежде всего подданный, а затем уже епископ. Но в то же время вы мой пастырь, и потому прошу у вас святого вашего благословения».

Эта-то жестокая ненависть к ордену иезуитов и внушила ей странную идею из непримиримого их врага сделать кардинала Римской церкви. Впрочем, Вольтер всегда был в от-

личных отношениях с m-те де-Помпадур. Он воскуривал ей фимиам самыми «забористыми гиперболами». Любопытно по этому поводу трогательное письмо де-Сидевилля, в котором старый сатир оплакивает смерть своей «остроумной» приятельницы. «Я был весьма опечален кончиной m-те де-Помпадур. Довольно смешно, что старый бумагомаратель, который еле таскает ноги, еще жив, а красивая женщина, со-рока лет, умирает в полном расцвете жизни»...

Добившись наконец столь желанного отпущения своих грехов, m-те де-Помпадур ударилась в благочестие. Но ведь не даром же она была Помладуршей. Обыкновенные молитвы обыкновенной веры ее не удовлетворяли: для причудливой её души, для её из ряду вон выходившей «набожности» требовалось нечто новое, небывалое. Ей нужна была божественная книга, автором которой был бы Вольтер... К тому же, это вполне согласовалось с другим её проектом, проектом отмщения отцам иезуитам! Сказано, сделано. Она заставила друга своего, герцога де-ла-Валльера, послать Вольтеру следующее письмо, свято сохраненное Ваньером, секретарем Вольтера.

«Версаль, 1-е марта 1756 г.

Дорогой Вольтер, я получил поучение, которое вы мне прислали. Несмотря на здравую философию его, оно внушило мне еще большее уважение к его автору, нежели к его морали... Вы обладаете высшим гением и самой гармоничной головой. И потому я не задумываюсь обратиться к вам

с просьбой на счет псалмов, украшенных вашими стихами. Вы единственный были и есть достойны перенести их; вы затмите Руссо, вы вдохнете назидание и вы дадите мне возможность доставить величайшее удовольствие m-me de Помпадур. Мы жаждем иметь что-нибудь в духе Давида. Возьмите его за образец, обогатите его. Буду преклоняться перед вашим произведением, без всякой зависти. Уделите мне „час“ в день, не говорите об этом никому, и я тотчас же прикажу издать этот труд в Лувре. Издание это доставит такую же честь автору, как и удовольствие публике. Повторяю вам, что она будет от этого в восторге, а я буду счастлив, что именно через ваше посредство мог доставить ей столь великое удовольствие»...

Но Вольтер, занятый другим делом, отклонил эту просьбу. «Притом, – отвечал он, – я отнюдь не компетентен для трактования подобной поэмы. Гораздо лучше сделали бы, если бы обратились к какому-нибудь духовному лицу, который соединял бы в себе достоинство искренней веры с искусством по части рифмы? При дворе нет недостатка в подобных аббатах. Напр. де-Вуазенон, да он прямо создан для такой роли».

Герцог, однако, настаивал. Аббат Вуазенон, этот непостоянный ветренник, совсем не годится для такой задачи! Амур похитил его у меня, – писал благородный герцог Вольтеру. Влюбленный хуже всякого юного школьника, он не покидает предмета своей страсти. Герцог тем более опасался за эту

страсть, что не считал ее уравновешенной здоровьем аббата. И потому он снова с той же просьбой обратился в Вольтеру, тем более, что m-me Помпадур желала этого все настойчивей и настойчивей. Она ведет теперь вполне образцовую жизнь, – говорит герцог: «спектакли более не посещаются, в течение поста по три раза в неделю постились... Часы, свободные для чтения, кажется, действительно употребляются на хорошие книги. Вот теперь какое настроение, это-то настроение и вызывает желание иметь псалмы вашего изготовления... Вас знают; вы произвели фурор, желают еще почитать вас; но хотелось бы наказать вам и самый сюжет для чтений... Повторяю вам еще раз и, по истине, без пошлой лести, вы искони веков предназначены были для совершения этого дела».

Вольтер отказал вторично. Для этой работы у него не было ни охоты, ни способностей. Полубог этого конца века, он мог уже не церемониться с высокопоставленными людьми. Весь мир преклонялся перед ним, и он кичился своими отказами. Но m-me де-Помпадур упрямо стояла на своем. И вот тут-то, – как утверждает Кондорсе («Vie de Voltaire»), – она намекнула Вольтеру насчет «возможности возведения его в кардиналы», в том случае, если бы он согласился на её просьбу.

Но было или слишком поздно, или слишком рано. Вольтер не поддался на это заманчивое предложение. Впрочем, Кондорсе дает ему в том грехе свое отпущение... «Погре-

мушками тщеславия не удовлетворишь души, одержимые честолюбивым желанием властвовать над умами...» говорит он. «Более откровенный и менее самолюбивый, нежели Сикст V, – в свою очередь рассказывает остроумный Ваньер, гордившийся отказом своего господина – Вольтер, ни на троякую ворону, будь она даже окружена ореолом, не согласился бы надеть маску и притворяться что думает то, чего он не думал и не воображал».

Переговоры тем не менее не остались без результата, явившегося в виде перевода «Экклезиаста» и «Песни Песней». Из «Journal historique» Колле узнаем, что оба эти «шедевра», в виде рукописей, присланы были в Париж в конце мая 1759 года.

В Лувре немедленно изготовлено было великолепное издание этих «шедевров». И что же вышло? Обе переделки библейских книг были уничтожены постановлением Парижского Парламента от 3 сентября 1759 года, по донесению аббата де-Террая и по требованию генерал-прокурора Омера Жоли де-Флёри.

От этого сна в летнюю ночь остался лишь весьма ядовитый отрывок из письма Вольтера к д'Аржанталю (7 февраля 1761 года).

«А господин Омер, что он сжигает? Какой пошлый клеветнический акт приказывает он напечатать? Этот человек сидит у меня в голове. Мне мил „Экклезиаст“: король читал его за ужином. Он был исполнен для m-me де-Помпадур.

А Омер! Ах!

Эта маленькая обезьяна с образиной Терсита должна понести кару. Как я ненавижу это чудовище! Чем далее я вдумываюсь, тем более клоочет во мне кровь!..»

Так и окончилась мечта m-me де-Помпадур.